

TECCA
ΓΡΕΤΤΟΗ

TESSA GRATTON

THE
QUEENS
OF
INNIS LEAR

ТЕССА ГРЕТТОН

КОРОЛЕВЫ
ИННИС
ЛИРА

fanzon
МОСКВА 2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г80

Tessa Gratton
THE QUEENS OF INNIS LEAR
Copyright © 2018 by Tessa Gratton
This edition published by arrangement
with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

Cover by Larry Rostant

Оформление серии *Андрея Саукова*

Греттон, Тесса.

Г80 Королевы Иннис Лира / Тесса Греттон ; [перевод с английского А. Пудова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 640 с.

ISBN 978-5-04-103879-3

Лис Бан, графский бастард, маг, сын ведьмы Белого леса, влюблен в королевскую дочь. Изгнанный и ведомый обидой, он решает отомстить.

Безутешный король Лир, потеряв жену, доверяет лишь пророчествам звезд. Решив передать власть, он созывает трех дочерей. Та, что любит его сильнее, станет королевой. Но судьба решает иначе, и королевство оказывается втянуто в распри между мужьями старших дочерей, рвущихся к короне, но она ядовита, а истинную королеву выберет волшебный остров Иннис Лир. Корни его шепчущихся деревьев вплелись в прочные камни скал, а ветер говорит с теми, кто умеет слушать.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-103879-3

© А. Пудов, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Лауре Реннет, верившей в эту книгу
даже больше, чем я*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Все началось, когда волшебница отколола остров от материка, потому что король разрушил ее храм.

Остров, сырой и промозглый, пропитан ее яростью, что заставляет людей, живущих там, быть сильными, резкими и скорыми на расправу. На севере, клешней вверх, расположены горы, а на юго-запад течет черная река, раскидывая на восток, словно пальцы, небольшие ручьи, проходящие через центр острова. Прилив одаривает все деревья и цветы возможностью расти дикими и высокими, питая корни до самых кончиков, которыми они зарываются в скалу. Там, где корни встречаются с камнем, рождаются новые прозрачные родники.

Люди строят каменные святыни вокруг этих родников, священных колодцев, в которых они благословляют самих себя, ритуалы жизни и намерения. Вскоре эти колодцы становятся центрами городов, и в сердце каждой крепости или замка объединяют людей кровью острова. Лорды каждого земельного надела собираются, чтобы построить собор в Белом лесу, где сходятся четыре области. Это сердце острова.

Каждое поколение детей из всех четвертей королевства отдается дикой природе для посвящения или жертвы. Один лорд отдал своего первенца, и это дало начало линии волшебников столь сильных, что другие объединяются и хоронят прах непокорной семьи в морском песке.

Но магия выживает.

На протяжении веков остров сердится и ворчит, окутанный ветром, болотами, долинами пастбищ, защищенных дубовыми лесами, зубчатыми северными горами, полными рубинов, и западными скалами, богатыми медью. В южных болотах острова находится железо, руда, шепчущая тем, кто может услышать, а когда она выкована магией — никогда не раскалывается. Вода в корнях бежит быстро, и земля плодороднее, чем должна быть, и остров процветает, питаясь благословением звездных пророчеств и изобилующей любовью корней.

* * *

Это началось, когда лорд острова прочитал награду за честолюбие в своих звездах и объединяет силу железа и ветра для победы над соперниками, собирая всех под одной короной. Он назвал себя Лир, именем волшебницы, расколовшей остров. В ее честь он возводит огромную крепость на севере, вдоль берегов Черного озера, столь глубокого, что многие называют его пупом острова. Лир коронует себя в самую длинную ночь, святое время для звездного пророчества; предлагает свои кровь и слюну корням острова, свое дыхание — птицам и ветру, свое семя — железу, а веру — звездам.

Это началось вдали от яростного острова, в другом месте, столь отличном по названию и атмосфере, что они могли бы не узнать друг друга, будучи рожденными одной и той же землей. Там молодая женщина попросила у своей бабушки корабль, на котором хочет проплыть по краю их империи. Она жаждала понять мир, испытать что-то не столь широко, сколь глубоко, пока одно не станет целой вселенной. Она говорила, что ее любопытство, как песок в бурю, делающий кости гладкими как стекло. Ее бабушка согласилась, хотя подозревала, что больше никогда не увидит свою внучку. «Бог снова соединит нас вместе», — говорила молодая женщина, но ее бабушка отвечала только старой пустынной молитвой:

«Не забывай: ты будешь воздухом, ты будешь дождем, ты будешь пылью, и ты будешь свободна».

Возможно, это конец.

Это началось в тот день, когда два сияющих сердца разделились на острове, одно, когда полумесяцем взошла луна, а другое — когда яркое солнце затмило сияние звезд. Их матери знали, что дети родятся вместе, как часто бывает в случаях с ведьмами и лучшими друзьями, и хотя это первый ребенок для одной и последний для другой, ничего не встало между ними. Они сидели рядом, вытянув руки, чтобы коснуться круглых животов друг друга, стискивая зубы и рассказывая истории о том, что может случиться с их детьми.

Это началось, когда королева усаживается в звездной заводи.

Это началось с семи слов, с помощью которых можно скрепить корону, нашептанных языком деревьев: *вкуси наш цветок и вытей наши корни*.

Это началось с заходом солнца, в последний раз, когда последний король Иннис Лира входит в собор, расположенный в самом центре острова. Лир никогда не был верен корням, не уделял много внимания колдцам или ветру. Он человек, ведомый звездами, их движениями и узорами, их особой чистотой и стойкостью, не боящийся черных пределов ночи. Для Лира собор — излишество: человек, преданный старому пророчеству, не нуждается в водах корней или в колодцах.

Два огромных зала из резного известняка и серо-голубой гранитный крест в середине святого места, руки Востока и Запада, выровнены с небом, чтобы проследить путь Солнца в день летнего солнцестояния, поэтому-то дневная Звезда и поднимается точно над восточным шпилем; другой зал нацелен на север, где постоянно находится звезда Калпурлагх, или Глаз Льва. В центральной точке, где пересекаются залы, есть свежий, покрытый мхом темный канал из земного чрева, глубоко проникающий в ядро острова. Крыши нет — для чего закрывать небо?

Когда идет дождь, вода омывает каменный пол и впитывается в деревянные скамейки. Она очищает четверть алтаря и заполняет крошечные медные чаши, создавая

настоящую музыку всего лишь прикосновением воды к металлу. В солнечные дни тени ласкают живые лозы, выгравированные стихи и знаки на стенах, определяющие времена года и время суток. Весной опускаются облака, чтобы гнездиться вокруг высоких шпилей, вьющиеся, мягкие, влажные и прохладные. Ничто не разделяет небо с землей здесь, в самом сердце Иннис Лира.

Сейчас ночь, и тяжелая луна опрокидывается на восточный шпиль. Еще одно начало, готовое вспыхнуть.

Король одет в тонкие тапочки и расшитый халат. Он стар, хотя и не настолько, чтобы выглядеть развалиной, его волосы спутанные и влажные, а в глазах — горе. Некрашенная туника спадает на колени, почти такие же бледно-серые, как его лицо и длинные пальцы. Этот призрак короля идет прямо к колодцу и прижимает руки к камням, глубоко вдыхая аромат мха, металлический запах крови земли. Дрожь идет по его спине, и он морщится.

«Сейчас», — приказывает Лир, отворачиваясь.

Семь дюжих мужчин выходят вперед с плоским круглым куском гранита. Вырезанный из массивного валуна, который когда-то находился в этом святом колодце, прежде чем вокруг него построили собор. Гранит голубовато мерцает в лунном свете. Слуги неумело ворочают и крутят его, натягивая связывающие его веревки. Они идут медленно, поворачивая гранит к алтарю. Один из слуг рад своей миссии, двое равнодушны, трое слишком волнуются, чтобы быть такими же равнодушными, какими они хотят казаться, а последний каждым граммом сердца желает иметь достаточно сил, чтобы противостоять королю и выразить свое возмущение его несправедностью и нечестивостью.

Люди устанавливают камень. В момент отчаянного колебания последний слуга испуганно смотрит в лицо короля, надеясь на отсрочку, но брови короля сдвинуты, он смотрит на колодец так, будто тот виновен во всем происходящем. Слуга поднимает глаза к небу, лишний раз утешая себя напоминанием, что он ничего не делает без разрешения звезд. И это так же должно быть предначертано судьбой. Должно быть.

Слезы мерцают в ресницах короля, когда гранитная плита опускается, и звук бьющихся друг о друга камней заполняет святилище. С окончательным натяжением канатов колодец закрывается.

Исчезает запах водных корней, как и небольшое эхо, которое король даже и не замечал, пока все было тихо. Король касается камня рукой, лаская его шероховатость, и мрачно улыбается. Пальцами он чертит контур дерева червей — печальное, опасное созвездие.

Это тоже начинается со звездного пророчества.

Но на острове Лира читается так много пророчеств, что лучше сказать — начинается с каждого вдоха.

Лис

В тихой и прохладной роще каштанов, плакучих лип и прямых дубов Аремории Лис опустился на колени на краю неглубокого родника.

Шрамы и свежие царапины портили шикарный загар на его спине, руках и ягодицах. Лис уже снял униформу, оружие и сапоги, сложив их на широкий дубовый корень. Лис, который был также и человеком, облился чистой водой, купаясь и шепча очищающую песню, которая вплелась в журчание родниковой воды. Он набрел на этот источник с первыми рассветными лучами, ошарашенный возможностью находиться в сердце леса, которому всегда мог задавать вопросы.

Налетел ветерок, лизнув его кожу холодным дыханием, и лиственный покров прошелестел: «Добро пожаловать». Лис Бан бодро отвечал на его языке с протяжными гласными, сливаясь в ритме с лесом Аремории. *Деревья здесь* были более общительными и велеречивыми, чем на скалистом острове, где родился Лис Бан. В Иннис Лире деревья, как правило, твердые и душевные. Их формируют океанские ветры и возможность расти у гор. Не зеленые и сияющие, а серые и синие с холодной коричневой корой, пышным мхом, ползущим по дуплам тонкими листьями и иглами. Они тихо беседовали, раскинувшись низко — дубы и колю-

чие живые изгороди, плетущие слова на ветру, чтобы король их не слышал.

А в Аремории пространство и почва предназначены для шумных деревьев, больше заботящихся о плодах, чем о выживании в зимних бурях или о бессердечных королях. Они общались друг с другом, вздыхали и пели, чтобы радоваться, насмехаться над пестрыми птицами, играть людскими мечтами. Бан потратил месяцы, чтобы завоевать доверие деревьев Аремории, потому что он прибыл сердитым и пропитанным горькими ароматами, слишком острыми для такого молодого возраста. Они не приветствовали вторжение чертополоха, но в конце концов Лис Бан очаровал деревья. Он повзрослел и стал другом деревьев Аремории, словно вырос среди них.

Соскальзывая все глубже в родник, Бан расплел тонкие косички из густых темных волос. Ступни утонули в иле, вода словно обвила его ноги; Лис Бан продолжал свою праздную болтовню с соседними липами, у которых было хорошее чувство юмора. Наконец, с распущенными волосами, падающими на его уши и шею, нагнувшись, он нырнул в родниковую воду.

Все разговоры потускнели. Бан затаил дыхание, ожидая услышать пульс сердца леса. Глубокий колодец мог бы лучше ему помочь, но родник был природным, бьющим из земли. Лис Бан нуждался во внутреннем ритме для правильной связи, чтобы обнаружить магию, которую он мог бы использовать для слежки за отвратительной бургунской армией и удостовериться в ее отступлении.

Покой и прохлада обступили Бана. Он разомкнул губы, впуская в рот воду, сглотнул ее и медленно встал.

Вода струилась с его тела. Невысокий смуглый и поджарый мужчина был мускулистым с выступающими ребрами. Темные волосы, почерневшие от воды, густо нависали над большими карими глазами. Лис Бан моргнул, и капельки воды, как крошечные кристаллы, повисли на концах его колючих ресниц. Найдись свидетели появления Лиса Бана, они могли бы легко подумать, что Бан — магический шип, растущий прямо из родника.

Освежившийся и счастливый, он присел на берегу, чтобы очистить руки от грязи. Лис размазал ее по своим кистям, как перчатки, и разгладил серо-коричневую грязь на своей коже, а потом стал рисовать полосы по всей груди и животу, вокруг гениталий и спиралью вниз по бедрам. Он хлопал ладонями по плечам, стараясь достать спину как можно дальше.

Теперь он полностью стал существом, принадлежащим этой особой земле, приемным чадом благоухающих деревьев. Лис Бан пробирался обратно в лес. Каждый шаг нес слова, шепчущиеся в его ногах: *мудрая звезда, мудрая звезда, вперед, этот путь, снова мудрая звезда и ночная звезда, сейчас!* Деревья направили его в сторону цели, и наконец Бан достиг самого высокого из них, стоящего на краю леса, где он мог лучше всего ухватиться за ветер, готовый сообщить о бургунцах.

Лиса ждал раскидистый крепкий каштан, чьи корни были довольно далеко от остальных деревьев. Бан увидел взбитую землю долины, где когда-то располагалась бургунская армия. Трава не выжила, за исключением ее рассеянных скоплений: ее растоптали, сплющили и высушили. Зброшенные кострища были словно выжженные рубцы, и Лис мог видеть нагроможденные грязи, закрывавшей потайные русла.

Не осталось ни мужчин, ни женщин, и Бан резво рванул по узкой полосе распаханной земли к стволу каштана. Он с ворчанием поймал низкую ветку, вскочил на нее и полез вверх. Дерево было достаточно крепким и не дрожало от его веса. Оно просто усмехнулось в щекочущей хватке Лиса Бана.

Три маленькие птички вспорхнули, потревоженные вторжением, и каштан призвал Бана подумать о ветках, расположенных на востоке, где Лис уже разозлил нескольких коричневых белок.

Бан взбирался по лестнице из сучьев вверх, к самой высокой северо-западной ветке. Она, обугленная ударом молнии, позволила ему усесться и увидеть долину на много миль вперед и качающийся зеленый лесной полог позади. Лис отодвинул длинные зазубренные листья и, вцепившись в ветку на его плече, старался удержаться на ногах.

Бан стоял, старательно балансируя.

Ветер подхватил его волосы и отбросил с лица. Лис попросил дерево предупредить его, если что-либо приблизится, животное или человек, и открыл рот, чтобы испробовать ароматы воздуха.

Дым, смерть и пыльный вороний мускус.

Бан приподнялся на цыпочки и поймал перо, черное и гладкое. В чернильном цвете Лис видел движущиеся волны людей и лошадей; видел скалы и облака красноватого дыма, сверкающие камни, гнилые цветы и пустую белую руку.

Он скользнул языком по краю пера, плюнул на тыльную сторону ладони и растер о кору каштана так сильно, что кожа закровоточила. Язык птиц был полон мечтаний, и мужчины не могли его истолковывать. Однако Бан усвоил за эти шесть лет в Аремории — по крайней мере он мог использовать боль или кровь, чтобы облегчить перевод.

Рука Лиса теперь пульсировала, и он закрыл глаза — вспомнить пульс тихой весенней воды. Замедля дыхание, он пустил свое сердце вровень с сердцем леса, через этот фокус нежной кожи.

Множество вороньих образов стали одним целым: армия, одетая в бордовую обвислую форму далеко отсюда, в день и ночь езды, спиной к нему, и Аремория, расположенная лицом к северным скалам Бургунна.

«Спасибо», — сказал Бан на языке деревьев и заправил перо в стиб листьев — оно стало подарком для каштана. Он предложил обрезать мертвую ветку, но каштан был доволен своим шрамом. Бан тоже скорее любил собственные шрамы за опыт, который они несли, за то, что принадлежали только ему, и он столько всего рассказал дереву, пока возвращался на землю.

Бан приземлился на корточки. В тени вдруг стало холодно. Солнце опустилось за далекие горы, граничащие с краем бургунских земель, и Бан заскучал по своей одежде. Лис вернулся в лагерь, доложил Моримаросу, а затем ел, пил и спал всю короткую летнюю ночь напролет, ни разу не взглянув на сверкающие звезды.

Вечерний лес свистел и гудел. Деревья наблюдали за обычным переходом в сумерки: они следили, как

просыпаются для охоты животные, поражались, если видели как король оленей загоняет одинокого волка в ловушку, отдельно от его стаи, или если кролик бежит прямо к дубу, полному сов. Проголодавшись, Бан решил вступить в бой и преследовать волка, чтобы попробовать свои силы. От Лиса теперь пахло лесной грязью, оставался лишь небольшой след его засохшей крови. Это поможет ему сохранить преимущество.

Впрочем, если Лис Бан не вернется в лагерь до наступления темноты, то король начнет волноваться, хотя Бан уже годами пытался научить его — не нужно переживать о его безопасности в лесу.

Эта мысль заставила его губы растянуться в легкую невольную улыбку и подумать: «Люди, хорошие и смелые, как, например, Моримарос из Аремории, тревожатся о таком незаконнорожденном, как Бан».

Лис Бан чуть отвлекся, но вдруг раздался крик-предупреждение трех молодых лип. Они сообщали о человеке, вторгшемся в сердце родниковой рощи.

Сразу же после оповещения Бан низко присел на корточки и продолжил путь на юг, где густая чаща могла его скрыть. Прислушиваясь к нежному жужжанию деревьев, Бан пополз вперед, и видны были только его блестящие глаза.

На краю рощи Лис Бан лег на живот и сполз под виноградную лозу, наслаждаясь нежным ароматом, несмотря на то, что крючковатые шипы счищали сухую грязь на плечах.

Сидящий на том самом корне, где Бан оставил свои вещи, был не кем иным, как королем Моримаросом, красивым мужчиной средних пропорций, с короткими темными волосами и бородой, в обычной военной форме, за исключением длинного оранжевого кожного пальто и королевского кольца на указательном пальце. Лис Бан осмотрелся, и деревья подтвердили, что Моримарос сидел один и вскользь читал письмо.

Раздражение и взрыв страха заставили Лиса стиснуть зубы и отползти назад. Он покажет Моримаросу, как глупо быть одному, даже когда война закончилась, даже когда Бургун бежал.

Лис Бан взобрался на дуб и шепотом попросил дерево не двигаться, а потом перешагнул через него, чтобы листья не задрожали и не раскрыли королю его местоположение. Таким образом Бан осторожно переходил с дерева на дерево, как земной святой, и наконец нырнул в объятия дуба, под которым сидел Моримарос. Лис Бан спустился вниз. И даже когда король посмотрел вдруг на затрепавшую ветку, Лис был невидим для Моримароса.

Одним быстрым движением Бан упал на спину короля, кинул руку на его шею и дернул, но Моримарос схватил Лиса за руку и согнул, отбрасывая ступни Лиса Бана выше головы, в мутную воду. Бан перевернулся на руки и на ноги и посмотрел на короля. Глаза и зубы сверкали на грязном, диком лице Лиса.

Моримарос выхватил шпагу, согнул колени, снова готовый защищаться.

— Бан? — произнес он после паузы.

Бан встал.

— Вы очень уязвимы, ваше величество.

— Думаю, это не так, — улыбнулся король. Он зачехлил шпагу и поднял упавшее письмо.

— Зачем выходить в одиночку? Я уже собирался возвращаться. — Бан скрестил руки на груди. Он был обнажен и покрыт магическими царапинами, нарисованными грязью.

— Я редко когда нуждаюсь в одиночестве, а сегодняшний вечер идеально подходит для этого, — произнес Моримарос. Он в легком смущении провел рукой по стриженным волосам. — И я хотел бы поговорить с тобой наедине на конкретную тему, касающуюся этого письма. — Король размахивал им, и Лис Бан мог видеть голубой воск печати Лира, цеплявшийся за край бумаги.

Его кожа похолодела от ужаса, но Бан кивнул, поскольку это был его долг перед королем, его командиром, и не важно, что еще могло случиться с каждым из них.

Лис шагнул в воду и нырнул, позволяя воде объять все его тело. Он не чувствовал ни умиротворения, ни прохладного покоя, когда вода смыла грязь, пощечно-

тала спину и колени. Нет, Лис Бан ощущал лишь рев подавленных воспоминаний: сжатые кулаки и пренебрежительные слова; отвесные пики, бьющиеся волны и вой, мощный ветер, мучительный сладкий смех и черные глаза с короткими, завитыми ресницами; крошечные радужные жучки.

Бан, незаконнорожденный Эрригал, очищал кожу и крутился волчком — раз, два, три. Затем встал, вытер лицо, выплюнул воду и потряс головой, как собака.

Когда Лис Бан поднялся, он подумал о своем ароморском имени, которое приобрел, пытаясь вернуть себя к центру.

Лис. Лис Бан.

Его глаза открылись, и Лис увидел, что Моримарос протягивает ему брюки. Бан пробормотал «спасибо» и надел их, затянул в талии и смахнул шерстяной рубашкой капли воды с лица, шеи, груди и рук.

— Сейчас, — сказал Моримарос, пожимая плечами, — у меня есть вино на сгибе этого корня. Читай письмо.

Бан последовал за королем, напоминая самому себе, что ему здесь доверяют. Лис Бан был даже удостоен большого венца Аремории. Чего бы ни хотел Лир, но Лис хотел напасть на него со стороны Моримароса. Мужчины сели вместе.

Моримарос передал письмо и откупорил зубами коричневую стеклянную бутылку вина. Текст был грубо нацарапан на пергаменте. Бан прочитал:

«Достопочтенному королю Аремории Моримаросу,

Мы, Иннис Лир, приглашаем Вас присоединиться к нам в нашей Летней резиденции для редкого небесного события. Полуденный суд начнется примерно через две недели после написания этого текста, в полнолуние, после полного восхода Трона, чтобы отметить восхождение Королев осени. Будут присутствовать величайшие личности нашего острова, и мы с нетерпением ждем Вас, чтобы представить нашей младшей — той самой девушке, с которой Вы переписывались последние месяцы и которая, как я надеюсь, пребывает в Вашем сердце. Нам не терпится познакомить дочерей с их звездными путями, и знайте, что Ваше при-